

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грамм. — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003. [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. 4<sup>th</sup> ed., revised and enlarged. Moscow, 2003.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Кошелев 2004 — Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68—101. [Košelev A. D. On the conceptual meanings of the prefix *o-/ob-*. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 4. Pp. 68—101.]
- Крылова 2004 — Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380—383. [Krylova T. V. To defend. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna, 2004. Pp. 380—383.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов 1983 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд., revised and enlarged. Moscow, 1983. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. 14<sup>th</sup> ed. Moscow, 1983.]
- ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1989. [Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. *Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Russian pronouncing dictionary. Pronunciation, accent, grammatical forms]. Avanesov R. I. (ed.). Moscow, 1989.]
- Перцов 2006 — Перцов Н. В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 227—245. [Pertsov N. V. Towards judgements about the facts or the Russian language in the light of corpus data. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2006. No. 1 (11). Pp. 227—245.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7—20. [Plungian V. A. Corpus as an instrument and as ideology: about some lessons of present-day corpus linguistics. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 16 (2). Pp. 7—20.]
- Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985. [Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Russian word-formation dictionary]: in 2 vol. About 145 000 words. Moscow, 1985.]

**V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot (eds). History of linguistics 2011. Selected papers from the 12<sup>th</sup> International conference on the history of the language sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 august — 2 september 2011** (Studies in the history of the language sciences 123). Amsterdam: John Benjamins, 2014. 222 p.

**Дмитрий Владимирович Сичинава**

**Dmitri V. Sitchinava**

Институт русского языка им. В. В. Виноградова  
РАН, Москва, 119019, Россия; Национальный  
исследовательский университет «Высшая школа  
экономики», Москва, 101000, Россия;  
[mitrius@gmail.com](mailto:mitrius@gmail.com)

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia;  
[mitrius@gmail.com](mailto:mitrius@gmail.com)

Очередной том в серии «Исследования по истории наук о языке», издающейся под общей редакцией основоположника современной науки об истории языкознания К. Кёрнера (так он аттестован во введении к сборнику — с. X), посвящен материалам 12-й международной конференции по истории наук о языке, проходившей в Санкт-Петербургском университете. Много в этой книге, несомненно, вызовет особый интерес у читателя российского журнала. Редакторами издания выступили два профессора СПбГУ В. Б. Касевич и Ю. А. Клейнер вместе со славистом, историком языкознания из Лозаннского университета П. Серио; на титульный лист вынесено имя также секретаря оргкомитета, аспиранта Петербургского

университета А. Н. Исаниной. Целая секция этой конференции и, соответственно, целый раздел рецензируемого сборника посвящены российской лингвистике (прежде всего советского периода). Есть тексты, связанные с отечественным (в широком смысле слова) языкознанием, и в других разделах сборника, например: статьи о французском грамматисте, работавшем в Харькове в начале XIX в., о связи трудов А. Шлейхера с петербургскими немецкими лингвистическими работами его времени, о научных «кругах», возникавших вокруг Р. О. Якобсона на протяжении его долгой деятельности в разных странах.

Книга открывается редакционным введением, в котором выражена благодарность организаторам конференции (в том числе недавно умершим петербургским лингвистам П. А. Клубкову и А. С. Асиновскому). Затем следует обращение к участникам конференции от лица почетного председателя конференции К. Кёрнера, где дается краткий очерк истории предшествующих конференций по истории наук о языке.

Сборник состоит из 18 статей, из которых 11 написаны на английском языке и семь по-французски; значительная часть авторов представляет университеты Франции, Бельгии и Швейцарии. Сюда включены статьи не по всем докладам, представленным на конференции: в частности, в отличие от предыдущих конференций, было представлено недостаточное количество работ о языкознании Античности или Возрождения, чтобы они могли составить особый раздел (с. XVIII).

Первый раздел сборника озаглавлен «Европейская лингвистика от XVII до конца XVIII века». Это период непосредственной «предыстории» науки о языке, период, когда языкознание еще не отграничено от других областей знания, когда высказывания об этимологии делает Вольтер, о грамматикализации — Кондильяк, а о порядке слов — преподобный Джозеф Пристли, открывший на досуге между теологическими и лингвистическими упражнениями кислород и углекислый газ. Статья Г. Хасслер (Потсдамский университет, Германия) посвящена дискуссии вокруг «естественного порядка слов» (*ordo naturalis*) в языках мира и того, что считать отклонениями от этого естественного порядка. Является ли этот «естественный порядок слов» «логическим» или «грамматическим» — вот вопрос, который ставился в рамках рационалистической теории языка (как известно, соответствующая французская традиция дала не только «Общую и рациональную грамматику», но и «Логiku Пор-Рояля»). Разумеется, она нередко была совмещена и с проблемой апологии тех или иных языков (например, французский якобы лучше соответствует «разуму», чем латынь, четче выражает «мысль» и лучше подходит для красноречия). Уже в XVIII в. появляется критика этой идеи, связанная с сенсуализмом (Кондильяк, Баттё), перентерпретирующая «естественный порядок» как зависящий от значимости разных частей высказывания для говорящего. Добавим от себя, что таким образом философы этого направления предвосхитили идею актуального темо-рематического членения предложения, последовательно сформулированную рядом лингвистов XX в., в том числе В. Матезиусом. Автор показывает, что идея, согласно которой существует некоторый «естественный» порядок слов, помогающий сэкономить затраты на восприятие речи, сохраняется в лингвистической теории последующих веков и актуальна и в настоящее время; сейчас, правда, в философских спорах участвует такое средство верификации, как психолингвистический эксперимент.

Б. Коломба (университет Париж-VII) ставит вопрос о том, кто именно из двух ученых монахов Пор-Рояля — К. Арно или А. Лансло — является «главным» (а то и «единственным») автором знаменитой анонимно изданной «*Grammaire générale et raisonnée*». Такие вопросы словно бы обречены возникать вокруг важных текстов истории языкознания: кто писал «Курс общей лингвистики»? Давно ясно, что не обозначенный его автором Ф. де Соссюр, — но который из титульных редакторов: Ш. Балли или А. Сеше?.. Кто был подлинным сочинителем «Марксизма и философии языка» — официальный автор В. Волошинов или мистификатор М. Бахтин? Может быть, все же исчерпывающий ответ на ильфо-петровский вопрос «Как это вы пишете вдвоем?» в каждом конкретном случае выяснить никогда не удастся. И тем не менее какие-то догадки и здесь возможны. Так, Коломба считает, что Лансло, выдававший себя за простого секретаря ученого эрудита Арно, в действительности был основным автором

текста: это доказывают перекрестные ссылки между «Грамматикой» и изданными им одним учебниками латыни и греческого в сочетании с употреблением местоимения «я» (je); употребление же местоимения «мы» (nous) отсылает не к «двуглавому» (biciphale) коллективу авторов, а к автору и читателю вместе (а иногда и к совокупности носителей французского языка). Ряд основных теоретических идей (теория предлога, двойного анализа подчиняющего местоимения, определение глагола) изначально принадлежат Арно, в то время как конкретная критика положений «грамматистов» (редко называемых по именам) разработана Лансло. Таким образом, перед нами, по-видимому, типологически нередкий случай, когда один ученый выступает генератором идей, а другой — их горячим адептом, толкователем и создателем текста; по этому поводу автор настоящей рецензии уже однажды вспоминал классический случай «ни единой идеи Лифшица и ни единого слова Ландау».

Ф. Мазьер (университет Париж-ХIII) посвящает свою работу языковой политике во Франции XVII в. — деятельности по созданию Французской академии, подготовке академического Словаря и разработке самой концепции величия французского языка, сопоставимого с языками классической древности. У истоков этой деятельности, как известно, стоял кардинал Ришельё, а идея нормализации и величия языка (как и упомянутая выше идея превосходства французского языка с его «рациональностью» над латынью) впоследствии вполне вписывалась в «спор о древних и новых», тесно связанный с пропагандой режима Людовика XIV, «нового Августа». Анализируется вклад в эту деятельность ряда конкретных фигур эпохи Ришельё. Текст написан не вполне аккуратно (несколько «тезисная» подача материала, неожиданные переходы с темы на тему, арабские цифры вместо римских); удивляет утверждение, что к 1635 г. на французском языке «не было создано ни одного философского произведения» (с. 28) — здесь нельзя не вспомнить о Монтене.

К. Агачич (университет Нова-Горица, Словения) рассматривает деятельность грамматистов в Словении раннего Нового времени. Это очень хорошая иллюстрация периферийной рецепции ренессансной грамматической традиции для описания и формирования нового литературного языка. Все правила латинской грамматики просто копируются с переводом примеров на словенский, и лишь из этих переводов и сопровождающих их оговорок читатель узнает, что на самом деле вновь описываемый язык устроен иначе. Появляются многоязычные словари, сопровождаемые краткими сопоставительными парадигмами латыни, итальянского и словенского, редуцированные до наибольшего общего набора граммем (так, нет словенского двойственного числа, нет среднего рода, поскольку он отсутствует в итальянском, и т. д.). В дальнейшем при переизданиях и переработках словенские грамматики отходят от латинской схемы и приближаются к живому узусу, в них появляются нормативные пометы и т. д.

Вторая часть сборника посвящена раннему периоду развития собственно лингвистической науки — это конец XVIII и весь XIX в. В статье М. Джанниното (университет Гренобля, Франция) рассказывается о миссионерских и ранних научных грамматиках китайского языка, а именно проблеме «кенем» — китайских служебных слов. Эти тексты комбинируют в себе элементы европейской традиции, китайской словарной традиции описания «пустых» слов и их многозначности (к слову сказать, она содержит некоторые представления о грамматикализации и о переходе «полных» слов в «пустые»), а также вырабатывают новые категории словообразовательных частиц, отсутствующие у предшественников как на Западе, так и на Востоке.

С. Вакуленко (Харьковский педагогический университет им. Сковороды, Украина) анализирует грамматический трактат «Общая философская и литературная грамматика» (1823—1824) Н. Паки де Совиньи — преподавателя французской и латинской словесности, проработавшего в Харьковском университете с самого его основания в 1805 г. 30 лет. Его не ценили высоко ни администраторы-современники, ни историки языкознания. Сочинение Паки (противопоставляющего общий для всех языков логический «discours» и специфический для каждого языка «гений») не относится к выдающимся достижениям традиции «общей грамматики», связанной с трудами Вожла и грамматикой Пор-Рояля, однако оно не лишено некоторой оригинальности и заслуживает интереса в контексте истории языкознания в Российской империи.

Р. Кеммлер (университет Траз-уж-Монтиш и Алту-Дору, Португалия) исследует рецепцию французских трактатов по «общей грамматике» XVIII—XIX вв. А. Кур де Жеблена и Р.-А. Кюкюрон-Сикара в португальской анонимной грамматике 1841 г. Эти «Правила португальской грамматики» — весьма краткий текст, посвященный в основном морфологии; другим сюжетам там уделено по несколько страничек.

В статье П. Свиггера и Т. Ван Хала (Католический университет Лёвена, Бельгия) «Морфология языка и лингвистическая типология: связь “Шлейхер — Петербург”» рассматривается связь морфологической классификации языков, предложенной Августом Шлейхером в его работе «О морфологии языка», доложенной и опубликованной в Петербурге в 1859 г., с грамматиками немецкоязычных авторов, связанных с Петербургской АН (североведов М. Кастрена и О. Бётлингера, кавказоведов А. Шифнера и П. фон Услара). Шлейхер как типолог известен меньше, чем как философ, выдвигавший «натуралистическую» концепцию языка, и индоевропеист, сочинивший на реконструированном им праязыке басню об овце и конях; между тем его вклад в эту область языкознания, динамично развивавшуюся в XIX в., от В. фон Гумбольдта до А. Потта и Г. фон дер Габеленца, был заметным. В этой работе Шлейхер предлагает исчисление возможных комбинаций типологических параметров и распределяет языки Евразии и Африки по четырем основным типам и по подтипам в их рамках. При этом он в значительной мере опирается на подготовленные и изданные в Российской империи немецкоязычные описания языков Кавказа и Сибири, часть которых содержит и типологические соображения. К сожалению, авторы не анализируют подробно этих работ, посвятив большую часть статьи трактату Шлейхера; остается надеяться на более объемную публикацию.

А. Кидикино (Калабрийский университет, Италия, и Женевский университет, Швейцария) изучает эволюцию термина «семиология» в текстах раннего Соссюра 1880-х гг. Это весьма малоизученный период деятельности Соссюра, период после изгнания из Лейпцига и до возвращения в Женеву, к которому относится ряд набросков теории, разработанной в знаменитых лекциях 1909—1911 гг. Понятие «семиологии», науки о системе знаков (удержался, впрочем, параллельно предложенный Ч. Пирсом термин «семиотика»), — общепризнанный крупный вклад Соссюра в мировое гуманитарное знание; тем интереснее проследить, как «внутриутробно» вызревала эта терминология в ранних эскизах. Первоначально Соссюр, кажется, употреблял этот термин применительно к одному из уровней значимостей (*valeurs*), называя то, что впоследствии стало известно как «фонология», «семиологической фонетикой» (*phonétique* [sic] *sémiologique*); а позже назвал так «язык как систему знаков» (на всех уровнях), противопоставленную фонетике.

Третья часть сборника посвящена лингвистической теории XX в. Ж. Леон (Парижский университет им. Дидро и Сорбонна) исследует «Анализ дискурса» З. Харриса (одного из крупнейших и во многом недооцененных теоретиков языкознания прошлого века), послуживший «основополагающим текстом» для французских школ анализа дискурса 1960-х гг. (а именно течений, связанных с именем Ж. Дюбуа и М. Пешё и находящихся в русле левой неомарксистской гуманитарной мысли).

В статье Э. Эльферс (Амстердамский университет) автор подходит к истории языкознания с несколько необычной точки зрения — речь идет не об истории некоторой идеи, а об истории ее отрицания. Это антипсихологизм в языкознании, в котором исследователь выделяет две волны, раннюю (связанную со структурализмом) и позднюю (связанную с реакцией на генеративистскую версию психологизма в 1970-е; наиболее крупный из упомянутых авторов — Дж. Катц). Автор выделяет сходства и различия двух волн антипсихологизма в рамках широкого философского контекста.

Статья Б. Годар-Вендлинг (Парижский университет им. Дидро и Сорбонна) посвящена семантическим исследованиям польского философа и логика К. Айдукевича. Это важная фигура в истории языкознания: как известно, в эпоху структурализма лингвистика часто пренебрегала семантикой, которой занимались в основном философы — от О. Есперсена до Л. Витгенштейна. Айдукевич стал связующей фигурой между европейской философией и американскими

формальными теориями языка, разработав категориальную грамматику, заложив основы формальной семантики, предложив пути решения ряда логических парадоксов и пр.

Статья М. Томас (Бостонский колледж) называется «Jakobson's circles», и ее название можно перевести двояко. Это могут быть «круги Якобсона» (по аналогии, например, с «кругом Бахтина»), и «кружки» — более организованно оформленные объединения, в которых в разное время участвовал и которые организовывал Якобсон (и, в частности, именно «кружками» они и именовались официально по-русски — это широко известные Московский лингвистический кружок и Пражский лингвистический кружок). Особый интерес представляют разделы статьи, связанные с участием Якобсона в организации научной жизни в Скандинавии (которую он посетил в качестве промежуточной остановки в бегстве от нацизма в начале 1940-х; именно там Якобсон начал заниматься проблемами афазии) и в США (где он стал сооснователем Нью-Йоркского лингвистического кружка, в который входили, в частности, А. Мартине, М. Сводеш и Дж. Уотмоу). Освещается и позднейший конфликт Якобсона с Нью-Йоркским кружком, преобразованным в Международное лингвистическое общество (с. 151); вообще интеграция в американский научный истеблишмент, как известно, далась Якобсону нелегко.

В статье Томас представлена сопоставительная таблица четырех якобсоновских кружков (с. 147). Не со всеми данными этой таблицы можно согласиться. В частности, МЛК якобы вдохновляли «1830s Russian informal study groups, acc. [?] RJ» — если сам Якобсон и сравнивал МЛК с московскими последователями немецкой философии вроде кружка Станкевича, то вряд ли вполне всерьез. К ключевым участникам МЛК (наряду с П. Г. Богатырёвым, Н. Ф. Яковлевым и Г. О. Винокуром) отнесен не более и не менее как Маяковский; конечно, он посещал заседания кружка (как и Пастернак, Асеев, Мандельштам и Кручёных), читал там свою поэму о столкновении Ивана с Вудро Вильсоном и участвовал в прениях, но это скорее отражает эстетическую ориентацию Якобсона и его товарищей, чем научную сторону дела. В целом статья посвящена более личности и биографии Якобсона, чем эволюции его идей в рамках «кружков»; например, кульминационный момент описания счастливого пражского периода — «It is striking that photographs of Jakobson from the Prague period show him conversing, drinking, or interacting playfully with colleagues, often while standing or sitting so close together as to lean on or touch them» (с. 148).

Четвертый раздел книги, как мы уже отмечали, отражает специфику проходившей в России конференции и состоит из статей о языкознании в России. Статья В. М. Алпатов (Институт языкознания РАН, Москва) «Советская лингвистика и мировая лингвистика» (а может быть, уместнее в этой коллокации был бы перевод «языкознание») посвящена обзору соотношения этих двух сущностей и выдвигает неоднократно формулировавшийся Алпатовым тезис, согласно которому советское языкознание не было ни полностью оторвано от мирового контекста, ни противопоставлено ему (за исключением разве что периода борьбы с космополитизмом последних сталинских лет — причем центральная для внутрисоветской конъюнктуры оценка марризма тут большой роли не играла, сплошное «оскудение и маразм» усматривались на Западе и в 1949, и в 1951 г.). Алпатов излагает краткий очерк языкознания в СССР, выделяя, как и в предшествующих своих работах, ряд важных фигур, таких как М. М. Бахтин, Е. Д. Поливанов или В. И. Абаев. Как представляется, в такой последовательной форме («советское языкознание как нечто провинциальное и полностью закрытое от контактов с мировой наукой») тезис, с которым спорит В. М. Алпатов, никем из серьезных исследователей языкознания не формируется; он носит скорее публицистический характер. В качестве примера приводится ссылка на историка Б. С. Илизарова, специалиста по сталинскому периоду, а не на кого-либо из лингвистов. С другой стороны, нельзя забывать, что тень идеологического контроля, проработки и обвинений в пропаганде тех или иных «чуждых нам» идей нависала над людьми науки более или менее весь советский период. Иногда этот контроль был сильнее, иногда слабее, иногда перспективы для навлекших на себя обвинения были опаснее, иногда безопаснее, но структуры и фигуры, чьим *raison d'être* был именно такой контроль, не исчезли даже тогда, когда утопия построения особого «марксистского языкознания» или борьба за русские «приоритеты» в науке стали

неактуальны. Ср. в статье Алпатово указание на подчас «политический характер» противопоставления «структурной и “традиционной” лингвистики» (с. 164), но без упоминания об административных рычагах в руках деятелей вроде того же Ф. П. Филина (как если бы речь шла просто об ученом-ретрограде вроде безобидного А. И. Томсона, цитируемого на с. 161). Иногда официальные установки внешне совпадали со свободным выбором ученых (например, интерес к социальному измерению языка в 1920-е или критическое отношение к генеративизму в 1970-е), но такие случаи для данной проблемы не показательны. При таких условиях (а также при довольно ограниченном допуске советских ученых за рубеж) говорить об изоляции как о конституирующей черте советской науки в целом, к сожалению, все же уместно. И перечисленные Алпатовым эпизоды из истории науки сталинского периода (Чикобава делает доклад о Брёндале, Виноградов читает Ельмслева в ссылке, Сепира переводят на русский) тут мало что меняют. Можно вспомнить и о том, чего стоили международные контакты Н. Н. Дурново, Ю. К. Щуцкому, Н. А. Невскому, Д. В. Бубриху, да и многим другим.

П. Серио (Лозаннский университет, Швейцария) в статье о философских основаниях раннесоветского языкознания предполагает, что таковые определялись не столько марксизмом, сколько смесью немецкого романтизма, неоплатонизмом и «социальными» теориями языка иного происхождения. Действительно, суждения основоположников марксизма-ленинизма о языке были довольно рано каталогизированы, но оригинального по сути в них не так много, даже у автора специальных лингвистических работ Энгельса. Теорию как таковую (пусть даже объявляемую «марксистской»), будь то Марру или Бахтину, приходилось строить на ином материале.

С. Море (Лозаннский университет) рассматривает советское языкознание в рамках двух периодов советской идеологии и общественной жизни, «ленинского» (с ее идеями преобразования мира, стирания этнических и классовых границ) и «сталинского», после «Великого перелома» 1929 г., с его идеологией осажденной крепости, «социализма в одной стране» и постепенно нарастающего национализма. Соответственно и языкознание движется от марровской идеи слияния языков к «сталинско-виноградовскому» нерасторжимому единству языка и нации. Автор привлекает, помимо собственно лингвистических, также литературные тексты, например фантастический роман В. Д. Никольского «Через тысячу лет», где описывается будущий единый язык человечества.

В работе Е. В. Вельмезовой (Лозаннский университет) рассматриваются советские лингвистические работы 1920—1930-х гг. с точки зрения выражения в них протосемиотических теорий. Вельмезова, автор исследований марристовской семантики (именно в этой области Марр периода «нового учения» высказывал минимально безумные идеи, хотя, кажется, и не совсем оригинальные), наряду с марризмом рассматривает работы В. Н. Володинова / М. М. Бахтина, Р. О. Шор и Г. Г. Шпета (труды последнего нечасто привлекаются в контексте истории языкознания, но, тем не менее, учитывая «философские корни» семантики, заслуживают некоторого внимания).

Э. Галацци (Католический университет Милана) посвящает свою статью международным связям русской экспериментальной фонетики (представители казанской школы В. И. Богородицкий и С. К. Булич, уже упомянутый ученик Ф. Ф. Фортунатова А. И. Томсон, работавший в Одессе) и, в частности, французской странице биографии Л. В. Щербы (он учился в Париже у заметных фонетистов — П. Пасси и др., а позже написал книгу о французской фонетике). Освещено участие русских лингвистов (кн. Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, Е. Н. Малютина, С. К. Боянуса, заочно Е. Д. Поливанова) в двух международных конгрессах фонетистов (1932, 1935); эти конгрессы сыграли важную роль в становлении структурной фонологии.

Сборник представляет большой интерес для исследователей истории науки о языке и для лингвистов различных специальностей, а также стимулирует дальнейшие исследования в целом ряде областей. Можно надеяться, что ряд вопросов, кратко затронутых в подготовленных на базе доклада статьях, будет в дальнейшем раскрыт их авторами более подробно, в том числе даже в монографических исследованиях.